

РЕФОРМА МИШУСТИНА

О комплексной стратегии российской власти

Захлёстывающий нас "девятый вал" новостей и сенсаций размывает картину повседневности, разрывая память и не даёт осознать события во всей полноте их динамики. Мы слышим оглулкую пропаганду, но не видим обходящиеся без неё постепенные преобразования, какими бы важными они ни были.

Мы уже забыли премьерство Медведева, так же, как и его президентство, — и качественная новизна правительства Мишустина воспринимается как нечто, само собой разумеющееся.

Между тем его действия, производя впечатление череды "малых дел", по отдельности не претендующие даже на значимость, выстраиваются в цепочку действительно революционных преобразований.

И неожиданный эффект частных и локальных по отдельности изменений оказывает поистине воодушевляющий эффект на жаждущих оздоровления российской государственности, но при этом не приемлющих не только майданов, но даже и полноценных революций.

РЕВОЛЮЦИЯ ШАГ ЗА ШАГОМ: БЕЗ ПОТРЯСЕНИЙ

Старая притча гласит: единственный способ съест слона — принимать его по чайной ложке.

Мишустин проводит изменения постепенно, шаг за шагом, и даже коронавирус с его абсолютной неизвестностью и всеобщим страхом, захлестнувшим страну в середине прошлого года, лишь приостановил железную в своей последовательности реализацию, по-видимому, давно намеченных преобразований.

Первое и главное: инструмент любых реформ — госаппарат. Его сокращение и реструктуризация были намечены на весну 2020 года, но коронавирус отодвинул их на осень. В ходе этих действий, со стороны выглядевших как мало что значащее ритуальное сокращение "резервных" штатных единиц (нижнем не занимаемых и ни для чего, кроме кампаний (по сокращению, не нужных), аппарат был мобилизован: его разумная часть ощутила, что происходит нечто необычное и надо укрепить бдительность, подтянуть дисциплину и не давать повода для наказаний.

В условиях тогда ещё никому не понятного коронавируса и всеобщего страха даже продолжение рутинной работы правительства было бы сродни подвигу. Но эта работа отнюдь не была рутинной, и антикризисная политика Мишустина принесла плоды: провал экономики из-за коронабесия оказался значительно меньше, чем ожидалось.

"Критического падения" промышленности удалось избежать: в течение 2020 года спад не превышал 8%, а по итогам года промышленность в целом вышла на доковидный уровень. И не только за счёт роста производств, связанных с распространением коронавируса (фармацевтика нарастила выпуск более чем в 2,2 раза, лёгкая промышленность — на 9%, причём мощности по производству медицинских перчаток увеличены в 40 раз, защитных костюмов — в 33 раза, аппаратов ИВЛ — в 24 раза, масок — в 15 раз, антисептиков — в 8 раз), но и за счёт импортозамещения, вплоть до радиоэлектроники (выпуск увеличен на 2,5%, доля российской продукции в потреблении повысилась до 22,5%). В целом доля отечественной продукции обрабатывающей промышленности на рынке выросла до 61%.

Во многом этому способствовала реализация через Фонд развития промышленности 100 "антиковидных" проектов на совсем не значительные в масштабах бюджета 30 млрд руб.

В том же 2020 году был сформирован механизм специального инвестиционного контракта (СПИК)

для внедрения 600 современных технологий; первые контракты заключены в 2021 году.

Системная поддержка промышленности, особенно при ограничении завоза гастарбайтеров, поддержала рынок труда. В 17 из 85 регионов он вернулся к состоянию 2019 года, а к концу 2021 года, если не поднимется новая волна коронабесия, ожидается выход на "доковидный" уровень России в целом.

Именно это незамеченное достижение правительства Мишустина обеспечивает сохранение социально-политической стабильности и по сей день.

После первичной нормализации госаппарата пришло время нормализации институтов развития: хаотичная совокупность синекур была структурирована, сокращена и развёрнута лицом к реальным проблемам. И то, что руководитель ВЭБа (Банка развития) вошёл в число 35 наиболее эффективных и преданных Путину российских государственных деятелей (по версии профильного комитета Палаты представителей США, потребовавшего ввести против них санкции), представляется в том числе и проявлением роста эффективности всей нормализованной Мишустинским системы институтов развития.

"Потеряровавшихся на кошечках", премьер взял за своих замов: вице-премьеры, привыкшие за время либеральных реформ к отсутствию конкретных задач и обязанностей, получили их — вместе с ответственностью за достижение подведомственными им сферами поставленных целей.

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Следующим этапом стало превращение вице-премьеров в кураторов групп регионов, что качественно изменило всю систему хозяйственного управления.

До того отраслевая вертикаль власти жила отдельно от региональной управления, осуществившегося Минфином при помощи бюджетного давления, напоминающего террор, и отдельно от Администрации президента, концентрирующей ся на политике.

В результате регионы и ведомства жили в разных, хотя и пересекающихся, реальностях. Жертвами этого управленческого развожания (ингода наминавшего шизофрению), помимо народа, были губернаторы, лишённые возможности влиять на ведомства (не считая уничижительного вымалывания своих денег в Минфине): по сути, им позволялось регулировать лишь ту часть региональной экономики, которая заведомо не представляла интереса для федеральных структур.

Результатом стала кадровая катастрофа: серьёзные управленцы не хотели идти в губернаторы из-за уничижительности их положения, и центр был вынужден до последней возможности закрывать глаза на злоупотребления действующих губернаторов, так как заменять их было некем.

Создание системы курирования вице-премьерами регионов — причём такой, когда вице-премьеры отвечают за их развитие, — качественно повысило значение губернаторов, превратив их в партнёров вице-премьеров.

В результате проведена интеграция отраслевой и региональной систем хозяйственного управления регионами, причём не против губернаторов, чего пытался достичь ещё Ельцин своими "представителями президента", а с губернаторами и для них, а значит, и для регионов. Их голос становится более важным в госуправлении, а последнее становится более гибким и адаптивным, что исключительно важно в условиях нарастающей по мере развития глобального кризиса неопределённости.

НОРМАЛИЗАЦИЯ БЮДЖЕТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Накануне формирования бюджета на 2022 год премьер Мишустин, отложив традиционные интенсивные командировки, за две недели провёл 8 встреч с руководителями ведомств, ответственных за доходы бюджета, Пенсионного фонда и Росреестра. Их содержание далеко выходит за рамки рутинны и имеет признаки серьёзных изменений в ключевом факторе управления — регулировании бюджета.

Прежде всего, в текущее исполнение бюджета всем ведомствам было поручено встроить 42 стратегические инициативы развития, обеспечить контроль за их исполнением. Обычно в таких случаях ждали следующего года; после Примакова подобного нельзя было себе даже представить.

Вторая задача, поставленная премьером Мишустинным перед ключевыми для бюджета ведомствами, заключается в переходе с разрозненных ведомственных цифровых платформ на единую общедоверительную, то есть — интеграция и ликвидация цифровой ведомственной раздробленности. Общая цифровая платформа будет работать в автоматическом самонастраивающемся и самокорректирующемся режиме.

Наконец, всем ведомствам поручено в максимальной степени перевести все сервисы для граждан в электронную форму. Обнародованные по итогам встреч материалы придали этому самоочевидному процессу новое, неожиданное измерение.

Оказалось, что правительство Мишустина без особой огласки (что необычно не только для России) ведёт отнюдь не чрезвычайную антикризисную, а системную работу по льготному кредитованию. Не только малого и среднего бизнеса, не только олигархов, но и вполне значимых "крепких середнячков" реальной сферы. Именно масштабы этой поддержки, незаметно приобритшей макроэкономическое значение, позволили ослабить вымирание страны либеральными Минфином и Банком России искусственно созданным денежным голодом.

Поскольку Мишустин — бывший налоговый, его аппарат должен смотреть прежде всего на фискальные последствия этой политики. А они напоминают спасение России после дефолта 1998 года правительством Примакова — Маслюкова.

По сравнению с доковидным 2019 годом, нефтегазовые доходы бюджета подскочили аж на 2 трлн руб. 70% прироста доходов вызваны оживлением экономики, в том числе за счёт стимулирования льготными кредитами, и лишь 30% — ужесточением налогового давления.

Внимание премьера Мишустина к тонкостям бюджетного процесса необычно (его предшественники после Примакова обычно не могли конфликтовать с Минфином) и позволяет предположить его участие не только в подготовке нового бюджета, но и в ожидаемой корректировке его в ходе осенних думских слушаний. Ведь при принятии бюджета в Госдуме депутаты, даже от "Единой России", выступают против вечной либеральной агрессии Минфина. Понятно, чем выше роль в этом процессе премьера и его аппарата, тем ниже влияние либерастов из Минфина.

Рутинный процесс уточнения бюджета в Госдуме в этом году может быть использован для перестройки всей системы управления финансами. Возможно, её удастся переориентировать с задачи обеспечения глобальных частных спекуляций, что характерно для либералов, на задачи комплексного стратегического развития, с опорой на национальные проекты.

Интересно, что на встрече с председателем Пенсионного фонда премьер зафиксировал необходимость объединения трёх внебюджетных социальных фондов (Пенсионного, Медстрахования и Соцстраха) в единое социальное казначейство. Это не только снизит издержки, но и позволит системно управлять социальными расходами, которые сейчас непрозрачны, почти не контролируются и вдобавок растрачены околобюджетными князьями по уделам (достаточно вспомнить "неиспользуемые резервы" ФОМС по итогам первого года распространения коронавируса — 4,9 трлн руб.).

Но речь об этом зашла лишь после того, как правительство Мишустина завершило неоправданно затянувшееся формирование Федерального казначейства. Олицетворение последнего — выдающийся финансист прошлой эпохи Т.Г. Нестеренко — в конце своей карьеры, похоже, превратил казначейство в самостоятельное государство в рамках Минфина, который сам напоминает государство в государстве. Казначейство не просто имело свои ресурсы и резервы: порой оно, по-видимому, вело свою политику, отличаящуюся как от государственной, так и от минфинской.

Вероятно, ограниченность знаний и авторитета не давала министру финансов Силуанову решить эту проблему, и лишь помощь с премьерского уровня дала ему возможность вернуться в управление казначейством от административно-управленческих к собственно профессиональным задачам. Но Силуанов, похоже, не потянул и эту возможность, и премьеру Мишустину снова пришлось ему помочь. В результате с начала 2021 года счета более 50 тыс. бюджетополучателей, в том числе 58 тыс. госконтрактов, были переведены из Банка России в казначейство. Это освободило Банк России от несвойственных ему функций Минфина и от возможности регулировать госрасходы, грубо вторгаясь тем самым в исключительную сферу компетенций правительства Мишустина.

По итогам года, благодаря этой консолидации счетов, укрепление бюджетной политики принесёт регионам около 18 млрд руб. дополнительных доходов, что существенно, на фоне бюджетов многих регионов. Перевод в казначейство 58 тыс. госконтрактов на общую сумму около 11 трлн руб. резко, в 3,5 раза сократил остатки средств на счетах соответствующих

бюджетополучателей. В 2017–2020 годах они достигали 2,5 трлн руб., а сейчас — меньше 660 млрд.

Многие госкорпорации и предприятия прокручивали эти выпадающие из бюджета средства через разнообразные финансовые операции, получая, как в 90-е, неоправданную и порой темную прибыль. С кем они делились и делились ли они этой прибылью с кем-то в Банке России или в казначействе, чтобы эти счета не переводились под реальный бюджетный контроль, — вопрос открытый. Но прекращение этой практики дало бюджетам дополнительные средства.

Таким образом, правительство Мишустина, не создавая информационных проблем и формально не меняя административных и политических правил, начинает реформировать пока ещё сверхжесткую либеральную финансовую политику, одновременно преодолевая барьеры, которые воздвигаются ею на пути развития экономики. Значение контролируемых либералами Банка России и Минфина снижается, а Минфин начинает возвращаться к позиции второго, но главного правительства к органичным для него бухгалтерским функциям.

ВАЖНЫЙ ШАГ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ

7 октября, в день рождения президента В.В. Путина, премьер Мишустин утвердил перечень 42 стратегических инициатив социально-экономического развития, заблаговременно, как указывалось ранее, гармонизированных с бюджетом.

Их формальный финансовый эффект невелик (по 0,3% ВВП в год с 2023), но правительство рассматривает их по принципу "мал золотник, да дорог": они призваны "повысить качество жизни и сделать российскую экономику более современной и гибкой".

Премьер Мишустин отмечал, что основную часть финансирования обеспечат уже заложённые в бюджет средства и привлекаемые инвестиции частного бизнеса, а также государственных компаний и институтов развития. Дополнительные инвестиции из бюджета и ФНБ за 3 года составят лишь 740 млрд руб., то есть 16% от всех расходов на инициативы — 4,6 трлн руб.

Комплекс 42 стратегических инициатив представляет собой своеобразный "переходник" между целями верхнего уровня — национальными целями развития до 2030 года, установленными президентом, — и конкретными мерами правительства, которые насчитывается около полутора тысяч. Стратегические инициативы выражают и закрепляют логику действий правительства, давая ориентиры частному бизнесу, который теперь понимает, к проектам в каких сферах следует подключаться в первую очередь.

Разработка этих инициатив шла около года, и за это время изменилась даже логика многих уже реализуемых госпрограмм, а сами они существенно отполировались. При этом система управления ими крайне гибкая и рассчитана на ежесекундный контроль изменений, что является совершенно уникальным для постсоветской России.

Действия правительства Мишустина — важный шаг к созданию всеобъемлющей системы стратегического и индикативного планирования комплексной модернизации России. Пусть и с опозданием, но наше государство возвращается к исполнению своих обязанностей по организации развития и постановке задач для частного бизнеса, без которых, как показал опыт XX и XXI веков (в том числе США), уверенный прогресс невозможен в принципе.

Единственный способ обеспечить стабильность и предсказуемость в условиях стратегической неопределённости — создать их самим, и правительство Мишустина весьма осторожно и продуманно, но жёстко и последовательно идёт по этому пути.

ГДЕ-ТО В 1968 ГОДУ человечество свернуло с пути научно-технического прогресса и увлеклось экономией энергии. Вместо роста производства и потребления энергии в моду вошли энергосберегающие технологии и альтернативные источники энергии (солнечная и ветровая генерации). По результатам же катастрофы на Чернобыльской АЭС и после аварии на АЭС в японской префектуре Фукусима посылались гневные требования закрыть все атомные электростанции. Чем и увлеклись японцы и немцы из ФРГ. В результате чего возник дефицит электроэнергии, который и сказался прошедшей зимой, когда наступили морозы. Впрочем, о ничтожности альтернативной электрогенерации писал ещё в прошлом веке Пётр Леонидович Капица. Главным его возражением против безудержного увлечения модными уже тогда, сорок лет назад, концепциями "бесплатной и экологически чистой альтернативной энергетики" было очевидное ограничение, которое не разрешено и по сей день: ни один из альтернативных источников энергии, будь то солнечные батареи, ветряные электростанции или же водородные топливные элементы, так и не достиг плотностей энергии и мощности, которые обеспечиваются таким ископаемым топливом, как уголь, нефть и газ или же атомной энергетикой.

Не радует и модная нынче тема "водородной энергетики", как, мол, самой чистой, но при этом самой нестабильной и опасной. Показатель EROEI (energy returned on energy invested, соотношение полученной энергии к затраченной) у полученного водорода (неважно, из природного газа его получают или путём электролиза воды) меньше единицы, что делает его непригодным для применения в качестве топлива, а его летучий характер делает водород непригодным и для аккумуляирования энергии.

Человечество свернуло куда-то не туда под влиянием и давлением сторонников мальтузианского сокращения. Основной игрок на этом поле — Римский клуб. Римский клуб также являлся важнейшей площадкой, где договаривались представители элиты СССР и Запада. Но основная работа этой организации — разработка и реализация алармистских кампаний по сдерживанию промышленности и науки во имя охраны природы. Римский клуб с момента своего основания в 1968 году стал в наукообразной форме продвигать старинные мальтузианские идеи: "население нашей планеты постоянно растёт, а количество природных ресурсов из-за их активного использования постоянно сокращается".

Эти старые идеи Томаса Мальтуса по-прежнему популярны и успешно реализуются. Есть золотой миллиард (Запад и Япония), есть мировые фабрики, а есть поставщики сырья — почти все остальной мир, включая нас. Всё, как учили нас Р. Люксембург, доктор Пребриш, Им. Валлерстайн и Дж. Арриги (основные столпы мир-системного анализа).

Игорь НЕФЁДОРОВ

РЫЦАРИ РЕГРЕССА

Во что превращают современную науку

Членом Римского клуба от лица СССР был зять председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина Джермен Михайлович Гвишиани (муж единственной дочери Косыгина), который в 1965—1985 годах работал заместителем председателя в Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР). Дж.М. Гвишиани отвечал в СССР за развитие науки и техники (или за торможение оных?). Попутно Дж. Гвишиани вёл от имени Косыгина и СССР переговоры с Дж. Ангелли о покупке завода "Фиат". Зять был любимым и доверенным посланником Алексея Николаевича во всех сомнительных и цекотливых ситуациях. Вот и в Римский клуб был делегирован именно он.

Дж. Гвишиани также был содиректором и основателем совместно с лордом С. Цукерманом и М. Банди Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) в Лаксенбурге (Австрия). В этом институте он был председателем научного совета. Проходил стажировку в Лаксенбурге и другой будущий заместитель председателя ГКНТ СССР, учёный и одновременно зять второго секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова — Леонид Николаевич Сумароков, который с 1990 года проживает с семьёй в Австрии. Чего-то мы по сию пору не знаем о якобы догматике и марксизме М.А. Суслова.

Оба заместителя председателя ГКНТ СССР были связаны с МИПСА в Лаксенбурге и с Римским клубом. Причём, чем дальше, тем больше наука и промышленность в СССР отставали от стран Запада и Японии, кроме системы ВПК, куда ГКНТ СССР не особо и допускался. Более того, центр будущей перестройки организовывался Андроповым на базе Академии наук СССР, где создавались всякого рода валютные фонды. Академия наук СССР тесно сотрудничала с Римским клубом.

Клуб в своих документах констатировал исчерпание природных ресурсов, в первую очередь энергосистем, и необходимость перехода на возобновляемые источники энергии. Именно оный клуб ещё в начале 70-х годов XX века кошмарил публику ужасами перенаселения и глобального потепления. Всё это было во имя следующих целей:

1. Сокращение населения народонаселения планеты. Меньше людей — больше ресурсов.

2. Закрепление промышленной отсталости стран — поставщиков ресурсов (к ним относимся и мы).

Образ кризиса в науке на картине Сергея Шарова «Искушение святого Антония»